

Handwritten text in Cyrillic script, likely a letter or postcard, overlaid on the bottom of the portrait. The text is partially obscured by a postmark and a stamp.

Handwritten text in Cyrillic script, likely a letter or postcard, overlaid on the bottom right of the portrait.

Наследие

Л. Уранова

«Он ставил вехи на пути к вершинам духа»

Воспоминания о Б.Н. Абрамове*

К 111-летию со дня рождения

В дни моей юности существовала международная организация – Христианский союз молодых людей (сокр. ХСМЛ). Она представляла собою сеть учебных заведений в разных странах. Это были средние школы, высшие и колледжи. В то время я жила в Китае, в г. Харбине. Я закончила гимназию, принадлежащую этой организации, и поступила в колледж. Здесь я и познакомилась с Борисом Николаевичем Абрамовым; он работал в администрации этого колледжа. Помню, у него был небольшой кабинет в здании, расположенном на Садовой улице, всегда заваленный книгами, различными учебными пособиями, и там всегда толпилась молодежь, студенты колледжа.

* Из выступления на встрече в рериховском кружке г. Усть-Каменогорска 21 июля 1997 года, посвященной 100-летию со дня рождения Б.Н. Абрамова.

В то время я была моложе своих сверстников-соучеников, была очень застенчива и держалась в тени. На последнем курсе тот, кто был отличником и «шел на медаль», должен был писать работу, нечто вроде диссертации. Списки с темами работ заранее вывешивались на стенде. Темой моей работы было «Четвертое измерение». Это стало причиной того, что Борис Николаевич заинтересовался студенткой, избравшей такую тему, и вызвал меня на собеседование.

Так состоялось наше личное знакомство. Мы начали разговор с темы. Как раз в то время у меня появились сомнения в том, что я справлюсь с нею, так как мой руководитель – женщина-математик, обещавшая мне помочь, внезапно умерла. Борис Николаевич ободрил меня, посоветовал не менять тему и обещал мне помочь. Так мы стали встречаться и беседовать. Он рассказал мне о бесконечности пространства, об его наполненности, о силе мысли, об огне, о бесконечности Вселенной и о том, что после смерти наша жизнь продолжается в иных мирах, иных измерениях. Постепенно для меня начал открываться новый мир; многие вещи, о которых я смутно догадывалась, получили подтверждение, и жизнь моя наполнилась новым смыслом и большой радостью от того, что в нее вошел такой удивительный человек, который для большинства студентов оставался обычным администратором.

Шло время, я написала свою работу, окончила колледж, поступила на работу, а встречи наши продолжались. В обеденный перерыв я приходила к нему в кабинет, и мы беседовали уже на разные духовные темы. Однажды я сказала, что с детства считаю своим духовным покровителем Преподобного Сергия Радонежского, после чего Борис Николаевич дал мне книгу

«Знамя Преподобного Сергия»¹, которую вы все теперь знаете.

Однажды летом Б.Н. [Абрамов] сказал мне, что уезжает на месяц с женой на станцию, где у него была небольшая пасека, и что на это время он познакомит меня со своим молодым другом, художником, который поможет мне в моих занятиях живописью, так как в то время я много рисовала, а также даст мне книги учения Живой Этики.

24 июля 1944 года в кабинете у Бориса Николаевича

я познакомилась с Б.А. Зубчинским². Они были знакомы уже давно по Орденоу розенкрейцеров, который существовал в то время в Харбине. Это был оккультно-духовный центр, в нем занималась и жена Б.Н. [Абрамова] Нина Ивановна. Члены этого Ордена широко занимались целительством по особой системе. В 1934 году в Харбин приехал Н.К. Рерих с сыном Юрием Николаевичем. Он привез с собой учение Живой Этики и Указание Братства о прекращении деятельности Ордена [в Харбине] и Указание, чтобы вся духовная работа отныне продолжалась в русле Живой Этики.

Николай Константинович поселился в доме на Садовой улице, через дорогу от дома, где жил Борис Николаевич. Произошла их встреча, и Борис Николаевич и Нина Ивановна стали учениками Николая Константиновича, получив его благословение и кольца – знак ученичества и особого доверия. Такое же кольцо получил и Альфред Петрович Хейдок³, который в то время тоже жил в Харбине. Н.А. Зубчинский в то время был студентом юридического факультета, ему было 20 лет, и он был учеником Бориса Николаевича; мне было в то время всего 9 лет.

Вернувшись осенью 1944 года с пасеки, Борис Николаевич дал согласие на наш брак с Николаем Александровичем Зубчинским, и теперь мы уже вместе продолжали встречаться с Б.Н., но иногда встречались и по отдельности, вплоть до того

Б.Н. Абрамов

¹ [Рерих Е.И.] Знамя Преподобного Сергия Радонежского. Рига, 1934.

² Зубчинский Николай Александрович (Уранов) (1914–1981) – писатель, астролог.

³ Хейдок Альфред Петрович (1892–1990) – писатель, переводчик, ученик Н.К. Рериха.

момента, когда 2 сентября 1945 года Н.А. [Зубчинский] был арестован и увезен в Россию. После его отъезда осталось несколько его учеников. Это Н.Д. Спирина⁴, Д.С. Шипов, А.Н. Качаунова, Л. Страва. Через некоторое время Борис Николаевич объединил меня, еще одну свою ученицу Ольгу Бузанову и Н.Д. Спирина в одну группу и занимался с нами долгие годы, вплоть до нашего отъезда в Россию⁵. С остальными он также иногда встречался. Кроме того, он посещал несколько «содружеств», которые организовал Николай Константинович за время своего пребывания в Харбине. Это были люди старшего возраста, туда вошли и некоторые розенкрейцеры, которые приняли учение Живой Этики, и люди, подошедшие впервые к учению за время пребывания Н.К. [Рериха] в Харбине.

Что за человек был Борис Николаевич? Он родился в России, в Нижнем Новгороде, 2 августа 1897 года. Был он выше среднего роста, худощав, всегда подтянут. В молодости он был морским офицером, эта выправка всегда чувствовалась. Человек очень скромный, с несколько глуховатым голосом и удивительными серыми глазами, взгляд которых пронизывал вас насквозь, но когда он улыбался, то глаза становились настолько лучистыми, как будто бы вдруг выглянуло солнце. Прошла целая жизнь, но я как сегодня помню его глаза.

Это был человек гигантской воли и выдержки. На протяжении всей своей жизни материально он жил очень трудно. Человек исключительно одаренный, он многое умел: хорошо знал химию, рисовал, писал стихи, был очень музыкален, отлично знал английский язык. Но было такое время, что очень трудно было устроиться на работу и применить свои способности. Одно время он работал налоговым инспектором, преподавателем. После того как закрылся колледж ХСМЛ, ему приходилось трудно. Одно время он работал в химической лаборатории Университета⁶ и потом в химической лаборатории фирмы «Чурин». Кроме того, у него была больная жена, и ему приходилось после работы самому топить печку и готовить еду. Все трудности жизни он переносил стойко, с большим достоинством. К нему очень подходят слова из «Граней Агни Йоги»: «Смирение перед неизбежностью страдания на пути восхождения духа является ничем иным, как пониманием, что другого пути нет, ибо Сам ска-

зал: “В мире будете иметь скорбь” <...> Телесные силы могут быть исчерпаны, но неисчерпаемы силы духа...»⁷ И еще там же: «Дать восходящему духу все блага земные и все благополучие – значит пресечь его восхождение. Потому не щадит жизнь избранных своих. Потому каждый Носитель Света или Дух, пламенно устремленный к Свету, проходит через страдания. Не завидуйте благополучникам, ибо печальна их участь»⁸. Все эти строки как нельзя лучше подходят к самому Борису Николаевичу и к тем трудностям, через которые он прошел.

Главным для него была другая сторона жизни – это его духовный мир. Такое духовное устремление и преданность Учению и Учителю можно встретить очень редко. Он был суров и очень требователен как к себе, так и к своим ученикам и очень редко хвалил нас. Николая Константиновича он ласково называл «деда», а Юрия Николаевича – «Юша». После их отъезда из Харбина Борис Николаевич сначала переписывался с Николаем Константиновичем, а потом с Еленой Ивановной. В годы военных событий письма были редкими, шли долго, иногда окружным путем через Америку и Бразилию, где жили друзья.

Большое видится на расстоянии, и только по прошествии многих лет встают в памяти многие детали и мелочи, из которых складывается, как мозаика, облик великого человека. Много лет спустя, когда я встретила со своим мужем уже в Сибири, вспоминая Бориса Николаевича, он как-то сказал: «Всю жизнь мы должны быть благодарны Борису Николаевичу за все то, что он дал нам». Я полностью разделяю эти слова, сказанные Н.А. [Зубчинским].

Жил Борис Николаевич в Харбине в доме тестя, сначала в полуподвальном помещении, а потом на первом этаже, в небольшой трехкомнатной квартире, где у него уже была своя комната. Жили они с женой исключительно скромно. В его комнате – простая железная кровать, письменный стол и шкаф. Около кровати стоял стул, на нем бумага и карандаш: там им велись записи, которые он читал нам при встречах. Та часть записей, которую он вел при возвращении в Россию, в 1959 году, в дальнейшем была издана как «Грани Агни Йоги»⁹. Этот огромный труд по изданию совершил ученик Бориса Николаевича Борис Андреевич Данилов. Кроме Бориса Николаевича, в Харбине у Николая Константиновича

⁴ Спирина Наталья Дмитриевна (1912–2004) – поэтесса, впоследствии руководитель СибРО.

⁵ Переезд состоялся в середине 1950-х годов, после XX съезда КПСС.

⁶ Возможно, имеется в виду Харбинский политехнический институт.

⁷ Грани Агни Йоги. Т. XI. §122.

⁸ Там же. §81.

⁹ Грани Агни Йоги. В 13 т. Новосибирск, 1993–1999.

осталась еще одна ученица – Екатерина Петровна Инге¹⁰, и сначала Данилов был учеником этой замечательной женщины. Она была замужем за немцем, и в пятидесятых годах они уехали в Германию, тогда она и передала своего ученика Данилова Борису Николаевичу. После смерти Бориса Николаевича его жена Нина Ивановна передала архив Бориса Николаевича Данилову, который жил в то время уже в Новосибирске. В «Грани Агни Йоги» не вошли записи харбинского периода, судьба их мне не известна.

Первое письмо Елены Ивановны к Борису Николаевичу начиналось словами: «Владыка сказал

мне, чтобы я написала вам...» Свои записи Борис Николаевич посылал Елене Ивановне, и она в одном из писем подтвердила, что принимаемые им записи исходят из Высокого Источника. «Трижды подтверждаю подлинность записей», – писала она. Борис Николаевич читал нам письма Елены Ивановны, и я видела их.

Хочу немного рассказать о том, как Борис Николаевич занимался с нами. Много об этом не расскажешь, так как в каждой группе и в каждом отдельном случае занятия ведутся по-особому, применительно к составу группы; учитывается уровень сознания каждого ученика. Работа

в узком кругу тесно спаянных и гармонично подобранных сотрудников отличается от работы в многочисленном кружке, подобном нашему, но все же кое-какие направления могут быть использованы и нами. Самым главным уроком для нас был личный пример дисциплины духа и огромной воли Б.Н., безграничной преданности и готовности служить Учению и Учителю до конца. Как я уже сказала, группа наша была из трех человек, а потом из четырех человек. Встречались мы один раз в неделю. Он требовал, чтобы мы внутренне готовились к встречам уже заранее, и приходя к нему, оставляли за порогом все свои земные проблемы и эмоции; требовалась внутренняя сосредоточенность. Посидев минуту в молчании, обратившись мысленно к Учителю, приведя свою ауру в спокойное, уравновешенное состояние, приступали к занятию. Обычно оно начиналось с того, что Борис Николаевич зачитывал нам то, что было записано им за прошедшую неделю, иногда это была статья или размышление на темы Учения, или какие-то указания. Борис Николаевич требовал от нас, чтобы мы приходили не с пустыми руками, каждый приносил или какие-то размышления, или особо тронувшие па-

Н.И. и Б.Н. Абрамовы. Венев, Тульская обл.

¹⁰ *Инге Екатерина Петровна* (1887–1972), преподаватель, переводчик «Учения Храма».

*Коллектив преподавателей Харбинского политехнического института.
Справа в белом костюме Б.Н. Абрамов*

раграфы из Учения. Самое большое внимание уделялось самосовершенствованию, т. е. работе над своими недостатками, трансмутации их в положительные качества. На каждую неделю давалось задание развивать в себе какое-то качество или бороться с каким-то отрицательным свойством. Нами делались выписки из Учения на заданные темы. Всю неделю наши мысли постоянно должны были быть направлены на задание, независимо от того, где мы находились и чем занимались, таким образом выработывался контроль над мыслями и дисциплина мышления. Постоянно шла как бы двойная жизнь, жизнь обычного человека и духовная жизнь ученика. На следующей встрече каждый держал ответ, как он справился или не справился с поставленной задачей, какие были препятствия, какие успехи или поражения. Ответ должен был быть абсолютно честным, обман исключался.

Мы жили тогда в непростой обстановке. Б[орис] Н[иколаевич] учил нас умению хранить тайну. Большое значение уделялось развитию психической энергии и умению ее сохра-

нять, а также развитию силы мысли и контролю над своими мыслями. Главным условием для этого считалось умение сохранять равновесие, что включало в себя развитие спокойствия, сдержанности, бесстрашия, молчаливости. Болтливость не допускалась. Излагать мысли нужно было четко, ясно и кратко, многословие порицалось. В отношениях с окружающими людьми должна быть простота, доброжелательность, никакой напыщенности или показа своего превосходства. Окружающие нас люди должны были считать нас самыми обычными людьми, в то же время в нашей внутренней жизни многое должно быть изменено согласно с Указами Учения. Главная цель состояла в том, чтобы Учение пронизывало всю нашу жизнь, а не оставалось теорией, не примененной в жизни. Суэта и рутина жизни не должны поглощать нас и заслонять главное – духовное устремление и поступательное движение к Свету.

Поощрялось творчество, занятие всеми видами искусства: музыкой, живописью, литературным творчеством, особенно на темы Учения. Иногда Б[орис] Н[иколаевич] давал нам стихот-

Б.Н. Абрамов. Конец 1960-х – начало 1970-х гг.

ворение и просил написать на него какую-нибудь музыку. Так, на каждое занятие каждый приносил что-то свое. Борис Николаевич обращал внимание на сны, спрашивал – кто что видел, были ли это интересные сны или огненные знаки. В тот период знаки были у нас у всех. Причем здесь также предполагалась абсолютная честность. Первое время он не поощрял чтение побочных книг, видимо, для того чтобы мы лучше усвоили кни-

ги Учения. Но позже он сам стал заниматься с нами по «Тайной Доктрине» и стал одобрять приобретение астрологических знаний. Рекомендовалось вести ежедневные записи, подводя итог прожитому дню, анализируя, что было сделано хорошего, а что упущено. На сон грядущий он советовал отрешиться от всех земных забот и мысленно постараться подняться как можно выше, направляя мысли по линии Иерархии.

Что еще сказать об этом человеке, который воплотил учение Агни Йоги в своей жизни каждого дня и который для нас, знавших его, общавшихся с ним, остался живым примером на всю жизнь, примером безграничной преданности Учению и Учителю, примером непрестанной работы над собой, борьбы со своими недостатками, которые, конечно же, были у него – ведь он был человек – и наличие которых никого нисколько не умаляет, если человек постоянно работает над собой, совершенствуется, исправляет свои ошибки, трансмутируя свои несовершенства в сияющие огни духа.

На всю жизнь мы сохранили чувство глубокой признательности к тому бесценному опыту, который он дал нам, и, конечно, любовь, которая была взаим-

ной. Незабываемы моменты этих встреч, осененных прекрасными чувствами, когда наши сердца сливались в едином порыве. Эти воспоминания остались на всю жизнь, и они, я уверена, приведут к новой встрече...

Подвиг Бориса Николаевича запечатлен в иеровдохновенных записях, оставленных нам в «Гранях Агни Йоги». Они как вехи на пути к вершинам духа.

По праву сыновства

Письма Б.Н. Абрамова к Е.И. Рерих*

5 мая 1950 г.

<...> Хочу сказать одну вещь, но только Вам одной. Помните, я Вас назвал «близкая, любимая, родная и единственная». Скажу еще больше: в отношении моей матери жизнь моя сложилась особенно тяжело. Много пришлось выдержать, и интересно то, что ее, родную мать, я никогда, как помню, не называл «мама», не мог, не хотелось. И вот Вы, моя любимая, единственное существо, которое я, в тайниках моего сердца, называю этим великим словом. Я не знаю, почему я это делаю, не знаю, отчего и как родилось это чувство и желание это сделать, но в это слово в отношении Вас я вкладываю всю нежность, всю ласку, всю тоску сердца, никогда, до знакомства с Вами, не произносившего сознательно слово «мама». Простите, родная, меня за мою дерзость, что я осмеливаюсь Вам так писать, но я знаю, что Вы меня поймете, не осудите, почувствуете то, что словами выражено быть уже не может. Если бы вы только знали, моя единственная и любимая, как много значите Вы в моей жизни. Крепко помню слова Вл[адыки]: «Потому пусть сердце чует и знает в недрах своих, что дается...» и т. д. И как много значит для меня каждое Ваше слово. Я столько раз перечитывал Ваше письмо, что выучил его почти наизусть. И все думаю, думаю. И говорю все это не для самоуслаждения и не для уверений, а лишь для того, чтобы Вы крепко знали, что я Ваш без всяких условий и навсегда, и Нинка¹, думаю, тоже. А ведь когда свидимся, может и времени-то не будет даже о себе поговорить, не до того будет. Вот и открываю Вам сердце свое нараспашку. Тогда, при встрече, всякому будет в охотку поговорить, а вот такую стряпуху, как Нинка, нелегко найти. Даже Наш Любимый² одобрял ее стряпню. Да и из меня неплохой кухонный мужик мог бы выйти. А радости-то ей сколько было бы о Вас позаботиться. И чуткости и бережности бы хватило хоть немного облегчить трудный путь Ваш, посылить помочь от всей души.

Елена Ивановна, скажите, родная, может ли случиться, что Вы поедете мимо нас. И мы с Нин-

кой размечтались, как Вы приехали и остановились у нас. Мы теперь живем наверху (в том же доме). Отдали бы Вам почти всю квартиру. А как бы ухаживали-то за Вами!

До чего же я о Вас стосковался. Ведь мы так давно, так давно не видались! Вот и мечтаешь, и легче ждать заветной встречи. А если это время бывало трудновато, и даже очень, то это потому, что не знал, увижу ли. Вот Вас я неуверенно спрашиваю, могу ли называть Вас «мама». А Любимого Нашего я давно уже зову Отцом. А вот и стихи мои, малость измененные:

*Нитью сердец Гур-отец
Близок за гранью земли.
Строг и суров, сильный, без слов,
Вместе давно уже шли.
Твой навсегда, но берега
Счастья за грозной стеной.
Трудным путем крепко идем
К башням твердыни с тобой.*

Так без Вас обоих будущего не мыслю.

8/V <...> О том, что нужно сделать для Отца, думал и думаю крепко, ради этого и живу. Елена Ивановна, мне так больно и стыдно. Вы недомогаете, здоровье Ваше неважно, а я беспокою Вас нашими болезнями и печальями. Но если бы Вы знали, сколько радости, бодрости, надежд и здоровья принесли Ваши слова. Опять крылья выросли. У Вас, моя любимая, есть изумительная способность и умение говорить самые нужные и доходчивые слова, хватающие за самое сердце и в один миг способные изменить все душевное состояние человека. Чаша моя переполнена, и хочется поделиться с Вами этой радостью, а слов-то и не хватает, а всего и бумаги не хватит написать. <...>

30 июля 1950 г.

Родные и любимые Елена Ивановна и Юрий Николаевич. Получили Ваше письмо от 12/VII. Спасибо за карточки. Ведь в этом, а может, в сле-

* Письма публикуются впервые; при публикации опущены некоторые бытовые подробности семейной жизни Абрамовых. Отдел рукописей МЦР. №2184.

¹ Нина Ивановна Абрамова, жена Б.Н. Абрамова.

² Здесь и далее Н.К. Рерих.

дующем письме я как раз и просил прислать нам карточки Любимого Нашего, С[вятослава] Н[иколаевича] с женой и Ваших теремов³. Еще раз спасибо, что почувяли мою просьбу. Очень огорчились, что мое и Нинкино письмо дошло в таком виде, но мое я писал еще раз. <...> Нелегко и Вам жить, если вокруг Вас творятся такие страшные стихийные бедствия. Сколько горя кругом, если, как Вы пишете, смываются селения и дороги и все еще висит угроза новых стихийных бедствий. Завтра везу Нинку в больницу на операцию. Операция будет первого августа. Диету она держала строгую. Суп из куриных костей, протертые каши, кисели, сухари. Точно за месяц начала принимать строфант и точно по рецепту. Она совершенно спокойна и полна веры и признательности за Любовь и Заботу. Спокоен и совершенно уверен и я, хотя проходить приходится через все это ногами человеческими. За это время она сильно похудела, мучилась с желудком по обыкновению, но внутренне стала как-то устойчивее. Но если бы Вы знали, родные, сколько мелких уколов, противодействий и неприятностей сопровождало ее новое лечение. Словно кому-то очень не хотелось и не хочется, чтобы она стала здоровой. И вот бессильные в большом кололи по мелким и ничтожным мелочам. Даже интересно было отмечать и видеть эти старания. Но это пустяки. А Забота и Любовь осознаны, и крепка вера, и непоколебима надежда, и сердце полно признательности.

Жена Св[ятослава] Ник[олаевича] кажется нам с Нинкой какой-то особенно милой и своей. Как ее имя?

Елена Ивановна, любимая и единственная, если бы Вы только знали, какую особую радость дают мне Ваши письма. Вы не можете не понимать то могучее чувство, которое живет в моем сердце и которое с каждым разом разгорается все ярче и ярче, вытесняя все лишнее, ненужное. Теперь я понял, что такое любовь, понял, что это – все, что она сильнее всего, что это кратчайший путь, что выше нет ничего и цель – только через нее и ею. Оно выше всех качеств, вот и храню это чувство, и поливаю цветы каждый день и с заботой. Хочу, чтобы этот огонь сердца смел все ненужное и мешающее. Хочу этого во имя того, чтобы помогать Вам долго, чтобы иметь на это право и быть, если это мыслимо, около Вас. По моему разумению, быть «около» это значит сделаться незаменимым, это значит трудиться и трудиться, и после целого дня напряженной любимой работы увидеть Вас, поцеловать Вашу руку и хоть

бы две-три минутки посмотреть на Вас. Ведь прожил полвека, а Любимого Нашего видел считанные часы, и это за всю жизнь; как же дорого и значимо каждое мгновение встречи. Вот болела Нинка, и трудно нам было очень, но мы многое поняли, поняли, как надо быть бережным к близким и любимым, ибо этой бережности вокруг не было, и поняли, как бережно и заботливо нужно даже думать, когда с Вами. И я готов платить и платить еще и еще, лишь бы это дало мне возможность не только не отяготить Вас при встрече, но и быть полезным. Вы поймете, родная, то, что хочу сказать. Как поняли и почувствовали испорченное письмо. Думаю не о «сладких мечтах» и «орешках в сахаре», а о том, что[бы], когда придет время, быть около, помочь, оберечь, облегчить Ваши трудности, по мере сил и разума. Ведь Вам будет так трудно. А людям и в голову не придет, чего стоит соприкосновение с ними. И еще раз спасибо за письмо. Мы с Нинкой почувствовали, что стали Вам еще ближе и роднее. Ведь Вы ее даже по имени назвали. А сколько радости-то этому было. Вот и Наш Любимый кольцо-то тоже ей первой дал. Вот мы и почувствовали, словно бы Вы приняли нас в свою семью. Спасибо Вам, родная. Всей жизнью своей отблагодарю Вас и каждую капельку силы своей отдам Вам. Когда придет время свидеться, так хочется снять повязку с далекой памяти и понять причины этого могучего чувства Вашей близости.

А дальше только для Вас одной мои строки. Когда в письме я прочел Ваши строки «Я чуть что не заплакала», я столько пережил и передумал, и мне захотелось поцеловать Вашу обувь. Вы, такая недостижимая и большая, и в то же время такая простая, близкая, близкая... любимая, любимая... до боли, до слез, до радости невыразимой. Эту радость дают мне все Ваши, казалось бы, малые слова, незначительные, но такие важные, несущие близость, не на сегодня, не на завтра, а навсегда... навсегда, моя любимая, единственная и неповторяемая... К встрече перечитываю письма Матери в красных обложках⁴ и все любимое. Ведь каждая строчка сближает. Хочу, чтобы сознания стали как одно. И еще повторю, о чем уже писал. Дошло ли, не знаю. Трудное время мне было со своей родной матерью. Тяжкие следы остались на всю жизнь. И никогда сознательно, как помню, не называл я ее «мама». Не мог, не хотел, что-то мешало. И вот Вы единственный человек, кого я в глубинах своего сердца называю «мама» и вкладываю в это слово всю нежность, всю ласку, всю любовь сердца, никогда сознательно не

³ Имеется в виду усадьба в Калимпонге, где жили Е.И. и Ю.Н. Рерихи.

⁴ Имеется в виду издание: *Рерих Е.И. Письма*. В 2 т. Рига, 1940.

обращавшего этого слова, великого слова к другому человеку. Знаю, что, быть может, не имею на это право, но простите меня, родная, за мою смелость, но что же мне делать, если не могу молчать и если так хочется передать все, чем живу, чем переполнено сердце. Вспомните все мои к Вам письма, стихи, Вам написанные, ведь все то же, но сейчас усиленное до предела, если такой вообще существует. Вот через Вас понял слова «Душа Уч[ителя] ваш дом». И если около Вашего сердца так уютно, тепло, светло и ласково, то каково же у Великого Сердца, с которым Вы одно. Итак, в тайниках моего сердца я называю Вас «мама», не знаю, почему я это делаю, не знаю, отчего и как родилось это чувство и желание это сделать. Еще раз, родная, простите меня за мою дерзость, но Вы поймете, не осудите, поймете то, что словами выражено быть уже не может. Знайте, что мы с Нинкой Ваши навсегда и без всяких условий. Ваши, Ваши, Ваши. «Родная, любимая моя, светлая, за ласку твою бесконечную, за теплое слово приветное, спасибо большое сердечное!» До чего же я о Вас стосковался.

3 января 48 г., когда я еще ничего не знал об уходе Любимого Нашего, слышал его слова: «Для моих детей – сыновей меч Гесэр-хана». Привет Вам от Нинки. Привет Св[ятославу] Ник[олаевичу] и его жене. Желая Вам всего лучшего. Всегда и навсегда Ваш, Ваш *Борис*.

Елена Ивановна, родная моя, можно мне хоть иногда называть Вас «мама», и мне так хочется, чтобы Вы звали меня по имени.

25 декабря 1950 г.

<...> Любимая, любимая, любимая, близкая, родная мама! Спасибо великое за подарок, и за тот, что послан для Нины, и тот, что для нас обоих. Что же мне сказать Вам? Думаю, что теперь нет во мне того недостатка или слабости, которых я не найду силы преодолеть во Имя Его. Только и думаю о том, что еще должен я сделать, чтобы стать еще ближе, как можно ближе. Если бы Вы только знали, родная, любимая, ведь мы с Нинкой после всего этого были словно и не мы, ибо так трудно было осознать ту великую радость и восторг, которые вспыхнули в сердце. И мне так нужно, так насущно важно было услышать от Вас подтверждение того, что я слышал. Ибо за последние четыре недели это состояние мое особенно усилилось. Сказано: «В[еликий] В[ладыка] – счастье мое. Кольца зорк[ости] Дам, но не все. Колесо исполнения Утвердим. Луч утверждающий – счастье. Дар ясновид[ения] будет. Дадим Луч ясновидения. Все будет. Благословляю усовершенствоваться до конца на этом дале-

ком и близком пути». И еще раньше: «Луч любви и заботы Я дам. Луч с вами, Луч блага и жизни ты в сердце прими. Сила твоя растет любовью. Луч Утвердим и Напоминаем о близости Часа. Пришло время Мое».

Однажды, когда мне было особенно трудно в обычной жизни, на сердце прозвучали слова: «Иди, мой друг, иди в горнило жизни, вкуси от горечи ея!..» Конечно, не хочу затруднять Вас больше всеми теми мыслями и словами, которые возникают в моем сознании, но ведь я имею нечто очень похожее на Л[исты] С[ада] [Мории], равное по величине половине их. Необычайно интересно замечать, как жизнь становится сказкой. Т. к. Вы мне сказали самое нужное в Вашем письме, то, правильно ли я Вас понимаю, и могу ли я считать, что не только Нинкины, но и мои способности изменятся и уже изменяются. Я тоже не могу наклоняться, и часто болит позвоночник. Может быть, разница в том, что Нинке написали Вы, а о себе я услышал сам? <...> Вот Вы писали о спокойствии, а мне было столько еще Сказано об этом великом, синтетическом понятии, что оно стало как бы входом к дальнейшим возможностям. В письме 13 октября я писал Вам о ноше непомерной, а теперь прошу добавить к ней еще одно слово: подвиг. Отныне все, что имею и внутри и вне себя, отдаю В[еликому] В[ладыке]. Недавно видел интересный сон: горы на родине, над горами светлый Лик. Потом те же горы, между двумя горами лощина и дорога, ведущая в низины, и на дороге в сапогах, шубе и шапке человек очень высокого роста, как бы собирающийся спускаться, человек с тем же лицом, что сперва было над горами.

Говорили с Нинкой о Вас, мама, родная моя, мне бывает иногда больно даже, когда я начинаю думать о Вас, о том, какую тягость, какую муку взяли Вы на свои плечи. Сколько Вы мучились и мучаетесь, и если нам трудно, то каково же Вам, моя любимая и единственная. Как хотел бы облегчить я Вам Вашу жизнь всем, чем в силах. И если это доставит Вам радость, то приложу все силы, чтобы стать достойным сыном и искупить все свои ошибки. Лишь теперь понимаем мы с Нинкой Ношу Вашу. Вы, конечно, понимаете, что если те письма столько значили для нас, то последнее – вдесятеро. За эти дни было еще Сказано: Допущен и с Нами. Любовью достигнешь ты счастье свое. Открыто ухо устремлением к В[еликому] В[ладыке]. Где преданность, там все сокровища Чаши открыты. Книгу Жизни можно дать. Надо ждать пробуждения Чаши. В любви и доверии ждите пробуждения нового духовного сознания. Ассимиляция Луча требует времени. Мама же моя любимая говорила так: «Лучи

ляются. Первый мой, помни. Милый мой, любимый, пишем».

А сегодня: «Чувствую устремление ваше». Родная моя, мама любимая моя, радость, Солнце мое, да что же это такое? Ведь только три недели тому назад Вы сказали: «Родной, не допускай и тени сомнения» – помните в последнем письме? Вот и думаю, думаю. Хочу сделать два медальона, один для Нинкиного подарка, а другой для себя, может быть, Вы и мне пришлете такой же, если можно и нужно, а тот, что есть у меня, большой, обрезать не могу, т. к. там надпись. Итак, моя любимая мама, мое солнышко ясное, спасибо Вам великое, земное (т. е. до земли) за все. Может быть, где-нибудь, когда-нибудь и, быть может, очень скоро я буду в состоянии отблагодарить Вас троих не словами, а в жизни. Привет Юр[ию] Ник[олаевичу] <...> Всем сердцем, всем помышлением с Вами. Всегда и навсегда Ваш, Ваш сын *Борис*.

Январь 1951 г.

<...> Конечно, мы с Нинкой только и говорим и думаем о Вас и всем Вашем. Никогда еще не было такого сильного ощущения Вашей близости и всего Вашего. Нет у меня никаких секретов от Юрия Ник[олаевича], а если иногда пишу что-то и оговариваюсь, что это только для Е[лены] И[вановны], то только потому, что на некоторые отношения смотрю как на таинства и как таковое должествующее оставаться между двоими. Ведь Вы, Юрий Николаевич, прирожденный Кшатрия, и суровость и сдержанность может заставить Вас подумать о странности того, как я пишу порой Вашей собственной маме. И Вас, родная Елена Ивановна, прошу все рассказывать Ю[рию] Н[иколаевичу], за исключением лишь моих обращений. <...>

После Вашего письма с подарком мы живем как в сказке, ощущения и прочее усилились очень, словно в новую жизнь вступили, и встреча кажется такой реальной, такой близкой, такой радостной. Внимание и Забота стали ежедневной явью. И Наш Любимый не где-то там далеко, а близко, близко, в тех же заботах, как и раньше, даже слова его отзвучали на сердце. Теперь я уже ничему не удивляюсь. Конечно, Нинка еще слабая, худая (шея, ноги), не может стоять из-за спины и лишку ходить по комнате. Сидит ведь, не выходя из дома. Но мне тоже было Сказано, что все будет хорошо. А она у меня сейчас всецело погрузилась в душевную жизнь, так что я радуюсь этому очень. И мечтаем, и думаем, и говорим все о том же и о Вас. Дальше пишу для Вас только, родная Елена Ивановна. Моя единственная, моя дале-

кая, моя все больше и больше любимая и близкая Мама, моя далекая радость, мое ясное солнышко, серебряная мечта моя, вот 30 декабря моя неповторяемая мне сказала: «Чувствую тебя, мой любимый, чувствую и знаю верность твою. Посылаю любовь». Вот в этой любви, озаряющей все мое существо, вся моя жизнь, все будущее, и живу и радуюсь ей. Вот Вы писали о творческих порывах (4/XII), о восторгах, о Словах – и все, что Вы тогда написали, помните, все это стало яркой, осязаемой явью, и если бы я стал делиться с Вами всем тем, что имею теперь и что говорит Вл[адыка], то и десяти страниц не хватило бы, и если пишу обычно, то что же делать, если необычность эта вошла в сердце как действительность жизни. Усильте десятикратно те чувствования и переживания моего сердца, о которых писал это время, и вот тогда будете иметь представление о моей теперешней душевной жизни. И еще стало близко понятным, почему порой звучали на сердце Слова Спасителя. Любимая, а ведь я отблагодарю Вас за все, за любовь, за ласку, за заботу, за близость, за любовь Вл[адыки], за все, все своей жизнью, всею силою своею. А я уже начинаю понимать, что значит могучая сила любви. Любимая, далекая – близкая мама, вот Вы стали словно частью моей души, а я – Вашей. И когда я как-то пытался что-то сказать Вам, Он ответил: «А ты молчи, все Вижу». Спасибо, родная, за присланную Радость. Видел во сне голубя, и он принес мне письмо от Вас, это было тоже 30/XII. Нинка посылает и Вам и Ю[рию] Н[иколаевичу] свою любовь и привет. И радость наша облегчает нам и трудности часа. Мне так надо повидать Вас, но было Сказано: «Еще нужно потерпеть немного». До радостной встречи. Шлю любовь и ласку и бесконечную признательность. Всегда Навсегда Ваш, Ваш сын *Борис*. Моя бесконечно любимая мама, мне так хотелось бы обнять Вас и прижать к своему новому, обновленному, претворенному сердцу; моя далекая, моя бесконечно любимая мама, любимая, любимая, любимая и родная... моя...

25 февраля 1951 г.

<...> Хочу Вас спросить. Что такое сома, эктоплазма и лимфатичность? Что такое лимфатик? Ведь лимфатические железы есть у всех, чем же отличаются лимфатики? Меня это интересует и практически, в связи с расчленением принципов человека для их отдельного сознательного использования. Все, что можно было вспомнить и возобновить по этим вопросам, я сделал, но вопрос о расчленении неясен, именно в практическом отношении, в жизни человека вообще и моей в частности. Выходит, что низшие чувства могут

выявляться как «язвы», и в принципах более высших, чем 1, 2 и 3, считая снизу, и даже после перехода. Вот Вы, любимая, писали о спокойствии, и какое большое дерево выросло из Вашего зернышка, как будто бы открылась дверь в Новый Мир. И так процветает каждое Ваше зернышко. Ужасно мне трудно писать Вам, и я в отчаянии из-за невозможности вместить в лист бумаги тысячи назревших вопросов. Так нужно повидаться с Вами. <...> Спасибо Вам и за то, что о встрече опять упомянули, ведь это мне как бальзам живой. Когда трудно, я всегда начинаю думать о нашей будущей встрече, в которой для меня заключается все. Уже не мыслю свою жизнь без этого и думаю лишь о том, чтобы приготовить к этому и одежду себе соответствующую. Сегодня видел во сне Нашего Любимого, сидел с Ним за столом, поцеловал у него руку и хотел все поделиться тем, что теперь имею. Это время часто его вижу. Дальше пишу только Вам. Однажды увидел Его в комнате, опустился на колени и припал к Его руке «Ну, что так?» – спросил Он. «Соскучился уж очень», – ответил я. В этом «Ну, что так?» – выявился он весь, такой родной. Любимая, далекая моя, единственная, что же еще сказать мне Вам, чтобы передать мою любовь. Вот однажды обратился я со словами: ведь я Ее так люблю. Было Сказано: «И люби, люби еще больше, до самозабвения. Дочь Моя Первозванная, тысячелетиями освятившая путь свой и служением блага утвердившая себя. Моя первая... и ты Мой... И встретишь, и счастье твое вознесется высоко, и крылья получишь себе. Я говорю. Свидетельствую Сам». После того, как Вы мне писали о сыновстве, все во мне усилилось до крайности, и мне хочется Вас спросить, неужели все это теперь так близко и осуществимо для сердца. В[еликий] Вл[адыка] не забывает меня Своей заботой и вниманием, и если бы я стал писать, что Он говорит, то и двадцати писем бы не хватило бы. Мама, любимая моя, у меня к Вам еще просьба, если Вы мной хоть иногда бываете довольны, а я так хочу этого, называйте меня на ты. Родная моя, любимая, я не злоупотреблю Вашим доверием и сделаю все, что в силах моих, чтобы быть достойным сыном. Да разве Вы не чувствуете, как мое сердце напряжено в этом усилии. С любовью и признательностью. Всегда и навсегда Ваш, Ваш сын *Борис*.

10 июля 1951 г.

<...> Мои музыкальные вещи явились для меня полнейшей неожиданностью. Захвати-

ла меня и проза. Ну, тут чувствую себя, как рыба в воде. Чувствуется во всем этом помощь Вл[адыки]. Да и Сказано было много мне о творчестве. Пльвем на приливе творчества.

<...> Очень рад Вашему ответу в письме от 21/5 относительно разъединения принципов. Рад потому, что, именно, никогда не собирался проделывать это на себе, понимая всю нежелательность подобных вещей. Меня интересует научно-философская сторона и в человеке и в планете. Собрал отовсюду все, что мог. Но я не думал все же, что все это так сложно и трудно. Кроме того, в обычной жизни порой очень интересно замечать, в каком принципе функционирует сознание в данный момент, когда ешь, читаешь или огорчаешься. Мне очень много за это время было Сказано относительно обуздания оболочек. Ну а теперь хочу поговорить о самом главном для меня, о личном, о моей любви к Вам. В Вашем письме [от] 18/7⁵ Вы пишете: «Не слишком идеализируйте меня... Мне тяжело сознавать и носить тот “идеальный покров”» и т. д. «Я опасюсь Вашего разочарования» и прочее. Хочу Вас спросить. Разочаруюсь? Кто? Я? В чем? В том, что Мать – «Дочь Моя, Первозванная»? и ученица самого Вл[адыки]? В этом? Или в том, что «Я Дал огненный камень той, которая...»? Или в том, что любимые мною вещи, мною ежедневно повторяемые и изучаемые, Вл[адыка] дал ее руками? В этом, думаете Вы, разочаруюсь я? Или, может быть, Вы полагаете, что десять лет ухода за больной женой не дали мне понимания слов «рукою и ногою человеческой» и вместо человека, живого человека, я склонен увидеть Керуба с «безжизненными колбасами» за плечами, лишеного всего прочего, человеческого? Или Вы считаете меня способным любить только за те или иные свойства и достоинства. Разве настоящая любовь, ну скажем любовь матери, не поднимается выше этого? Разве Вы сами стали бы любить Юшу, т. е., виноват, Юрия Ник[олаевича], меньше оттого, что он вместо 15 языков знал бы только 5? А мне Вы в этом отказываете? В праве понимать и любить?

А помните, когда Вы мне написали, что Вы чуть было не заплакали из-за моего испорченного письма; помните, что я Вам ответил: как Вы мне стали сразу ближе и роднее, вот ближе попросту, по-родному. А может быть, Вы полагаете, что я принадлежу к разновидности идеальных слюняев, которые способны только сидеть, распустив идеальные слюни, сидеть благостно и слезливо умиляясь и разводив сентименталь-

⁵ Так в тексте.

ности, возведя очи кверху? Если я писал Вам о своем отношении, то хотел, чтобы Вы знали мои чувства полностью, до конца. Знали навсегда и крепко. Упрочить их хотел в Вашем сознании. Слишком далеко от меня Вы были и слишком стосковался, слишком нужны Вы мне. Вот и писал просто, от всего сердца, так, как никогда в жизни не писал никому, ни одному человеку. Не думал, что усомнитесь. Вы что же думаете? Думаете, что при встрече окружу Вас стеклянным колпаком своих измышлений и, благоговейно пролив слезу, сяду около в ожидании, что Вы начнете «предрекать»???

Родная моя, любимая, мама, я все это хорошо понимаю и знаю. Любимая моя, не бойтесь этого. Вам со мной будет легко и свободно. Я выстрадал это понимание. Я Вам и пол смогу вымыть, и даже, конечно, только Вам, и постирать смогу. И обед приготовить. И на чужие письма за Вас отвечу, отвечу Вашими же мыслями и словами, и выражениями, и даже Юше, т. е. Юрию Ник[олаевичу], скажу, чтобы тепло одевался, не забыл светр⁶ и теплое кашнэ. Вы пишете: «Любите меня, мне это нужно». Вот и буду любить, и знаю, что нужен, очень нужен. Знаю, что со мной Вам будет легче, чувствую это почти осязаемо. И знаю, что с Вами действительно вырастут у меня крылья. Нет, моя любимая, я крепко хожу по земле. Вот недавно у меня котелок медный облез. Вылудил его сам. Разорвали рюкзак. Починил сам не хуже сапожника. А на привале – случись это делать – и животных попоил бы, и палатку поставил бы, и костер бы развел, и Вас устроил бы хорошо и удобно. Ведь по земле ходим. Не бойтесь же, родная, что я могу отяготить Вас чем-то напыщенно превыспренным. Неужели Вы думаете, что я еще не вырос из [этого]?? <...>

14 июня 1952 г.

Родные и любимые Елена Ивановна и Юрий Николаевич! Десять месяцев прошло с тех пор, как мы получили от Вас Ваше последнее письмо. И можете представить себе нашу радость, когда седьмого июня мы получили Вашу весточку от 25/V. Много порадовались: и тому, что не забыли, что чувствуете себя лучше и что встреча неотменна. Вот о ней-то и думаем и на ней строим весь уклад нашей личной жизни и в зависимости от нее. Чужало мое сердце, что здоровье Ваше сильно отягощалось, и больно было за Вас и за

то, что Ваши люди в хорошестьи своей, любви и преданности все же не хотят хоть чуточку побережечь и полюбить тех, кого, как они думают, любят. Иногда им в упоении хорошестьи своей даже и в голову не приходит, что они могут жестоко отягощать нагнетенное сердце. Как все это знакомо, как хорошо знакомо! И как редки неотягощающие! А Вы, конечно, по доброте своей, не щадили ни себя, ни своего здоровья. Грустно мне сознавать свое бессилие устранить из Вашей жизни те тягости, которые можно было бы избежать. Далекость лишает! Просил и прошу Вас, хотя бы ради нас, хоть немного побережечь себя. 10-го видел Вас во сне. Сон был очень интересен, о будущем. Вы были такая сильная, энергичная, деятельная, что даже во сне собирался просить Вас побережечь свои силы. Относительно 2 т[ома] писем Матери⁸ все будет сделано по мысли В[еликого] Вл[адыки], и уже делается со дня получения Вашего письма. Смущает меня только то, что вряд ли смогу сделать это так красиво, как хотелось бы, вследствие недостаточного навыка. А хотелось бы. Полагаю и считаю, что своим сыном и его временем Вы можете всецело располагать по своему усмотрению, ведь все оно принадлежит Вам. А он, конечно, согласен на все и с радостью. Так же думает и Нина во всем, что касается ее. Елена Ивановна, любимая Вы наша, мне так хотелось бы рассказать Вам о нашей семейной, личной жизни, о том, что чувствуем, чему радуемся, т. е. В[еликому] Вл[адыке], о том, что говорит Он, и что навсегда, неизгладимо ложится на сердце, и чем Он наполняет всю жизнь, что Он часто, часто не забывает, и уже не фразы, а целая поэма сердца получается. Однажды увидев Вас во сне, даже во сне пытался поделиться с Вами своей радостью общения. Одним словом, я так стосковался по Вас, что не видеть Вас больше уже не в силах. Потому Ваше письмо было истинным праздником сердца. Некоторые люди мало верят в сердце. Я верю. Накануне получения Вашего письма вижу сон: какой-то человек говорит, и я хорошо запоминаю его слова: «Елена Ивановна сказала, что через восемь месяцев вы поедете домой». Можете представить мое чувство, когда я читал Ваши строки на следующий день: «Сердце часто что-то чувствует помимо рассудка, а наполненное Вл[адыкой] особенно». Вы пишете, что Вам некому помочь. Думаю, что когда встретимся, этому придет конец и на рутину каждодневную сил своих тра-

⁶ Так в тексте.

⁷ Слово неразборчиво.

⁸ Имеется в виду 2-й том «Писем» Е.И. Рерих. Судя по всему, Б.Н. Абрамов занимался переводом «Писем» Е.И. Рерих на английский язык, но двухтомник «Писем» на английском вышел в переводе В.Л. Дутко: Letters of Helena Roerich. 2 vol. N.Y.: Agni Yoga Society Inc., 1954, 1967.

тять не будете. Думаю, крепко думаю, как облегчить Вашу жизнь там, где это возможно. Очень интересно, что в Вашем письме и в том, что говорил мне Вл[адька], не только мысли те же, но даже и отдельные слова. Родная моя, любимая, я Вас очень люблю, Вы так мне близки, но очень, очень прошу Вас, пожалуйста, не думайте, что мое чувство отяготит Вас, и что, воздавая Вам должное, я встану на ходули превыспренности. Я сам, на своих боках испытал это тяжкое чувство, т.е. был страдающим лицом, и слишком хорошо понимаю, какие путы накладывает подобное отношение на близких; Вл[адька] знает, спросите: знает, что я прав и не ошибаюсь. Помните картину Н[иколая] К[онстантиновича] «Сам вышел». На слова, которые у меня были и, кажется, должны быть у Вас, я написал музыку. Говорят, получилось очень хорошо. Как мне хотелось бы, чтобы Вы послушали. <...>

Итак, до свидания, родные наши. Шлем Вам свои лучшие чувства и мысли. С Вами сердцем неотменно и мыслями всегда и навсегда Ваши, любящий Вас Ваш сын Борис.

Р. С. Вложил еще приписку от Нины.

<Вы писали, что когда недомогали и не могли писать, просили В[еликого] Вл[адьку] передать нам привет. Это было сделано 11 дек[абря], когда от моей любимой и неповторимой было целое письмо.>⁹

6 июня¹⁰ 1952 г.

Родные и любимые Елена Ивановна и Юрий Николаевич!

Большое спасибо за Ваше письмо от 19-го июля и память. Получили его второго августа, как раз в день моего рождения, как радостный подарок. Спасибо, что не забываете нас своим вниманием и заботой, за заботу благодарю. <...> Утром В[еликий] Вл[адька] сказал: «Хочешь о Матери? Пиши: Первозванная первая придет и скажет слово обо Мне. И будут слушать, и будут внимать, как на картине твоей. Ее (картину) увековечим. Место займешь около нее по праву сыновства своего. И оявишь себя на высоте. Близость к Матери неотъемлема. Встретитесь, как будто бы разлуки и не было совсем, и сразу войдете во взаимопонимание, т. е. сознания [ваши] ассимилированы в века. Ояви любовь, ничего не требующую и лишь дарящую. Потуши себя. А ее можешь поднять еще выше в сердце своем. И чем выше поднимешь, тем ближе ко мне подойдешь. Здоровье Дам. Силы Дам. Но любовь, но предан-

ность и готовность должен принести сам». Много еще я имел тогда, но и трех писем не хватило бы для всего. А Вы мне писали о каком-то пьедестале и разочаровании. Родная моя, простите меня, но в первый и последний раз говорю: не согласен, не согласен, моя любимая, близкая и родная, не согласен ни на какие разочарования. Не с меркой обывательской подхожу. О близости времени, предшествующего встрече, и мне В[еликий] Вл[адька] сказал; также было сказано и о споконности и мощи. И мне так было радостно видеть подтверждение этого в письме Матери. Сердце шептало верно. Сегодня же начал [переводить] письмо Матери от семнадцатого января тридцать шестого года. Значит, одна пятая часть писем уже закончена.

Конечно, самая трудность лежит именно в красоте, своеобразии и богатстве Ея фразеологии. Иной раз просто становишься в тупик. Но, родная Вы наша, как хорошо, как счастлив иногда я бываю, что она есть на свете – единственная и неповторяемая. Конечно, мы с Нинкой только думаем и говорим о радостной встрече. Конечно, трудно, и трудности растут, но теперь уже все это не важно, как-то все уже прошлое, уже уходит из поля сознания. Все пройдет, а встреча будет. С грустью думаю о том, что через три недели снова придется впрячься в тяжкую повозку зарабатывания на кусок хлеба, и грустно мне, что даже Матери уже не смогу уделить столько времени, как сейчас. Вам не понятны мои слова о картине, помните, я говорил Вам о трех картинах, нарисованных мною. Одна касалась нашего Любимого, другая – Матери и третья – В[еликого] Вл[адьки]. Мечтаю видеть их на большом полотне в Музее нашего Любимого. Вот о средней картине и говорилось – изображает момент, когда слушают. <...> Еще должен Вам сказать, что когда в письмах встречаю слова Елены Петровны, то я их не трогаю, также и все то, что взято из Учения, если в состоянии найти, откуда именно (нашел почти все), ведь все это уже есть!

Мы очень тронуты приветом от Юрия Николаевича и шлем ему особенно радостно привет в ответ. По-прежнему каждое утро посылаю Вам свой сердечный привет и любовь. Чувствуете ли? Говорят, сердце сердцу весть подает. Скажите мне, родная, почему всегда так бывает, что в Ваших письмах каждый раз Вы выражаете то сокровенное, чего именно мне хотелось бы иметь в будущем. Особенно в последнем Вашем письме. И когда Вы будете думать о будущем и обо мне, то Вы просто считайте, что моя воля слита

⁹ Приписка на полях.

¹⁰ Рукой Е.И. Рерих красным карандашом зачеркнуто, написано сверху: «Август». На полях: «Получ[ено] 18 Авг[уста]. Август».

с Вашей в восполнении Ваших желаний и мыслей, что это одно. Это условие освободит Вас от излишних сложностей. <...>

Итак, родные Вы наши, шлем Вам свой привет и лучшие чувства. Елена Ивановна, любимая, до свидания, как и всегда, всегда и навсегда Ваш, сын-овне Ваш *Борис*.

7 октября 1952 г.

Родная и любимая Елена Ивановна! Ваше письмо от 17 сент[ября] получили. Спасибо за внимание и память. Пишу лишь Вам, можно, т. к. был очень огорчен одной фразой о том, что жить Вам остается уже недолго. В начале прошлого года видел во сне, вернее слышал, что кто-то сказал мне, что мама моя, моя любимая ушла из этого мира. И во сне же я пережил такой страшный приступ отчаяния, такое горе, какого в жизни наяву никогда не испытывал. Когда я проснулся, подушка была мокрая, а боль и горе словно разрывали сердце еще длительное время. Проснувшись, долго не мог успокоиться. Вы, помните, как я горевал о кончине Нашего Любимого, но, несмотря на всю его глубину, я не пал духом, собрал силы, даже подъем их почувствовал и ответственность. Но то, что я пережил в ту ночь, когда услышал о Матери, то страшное отчаяние и горе несравнимы ни с чем. Конечно, думаю о нашей встрече, думаю о том, что некоторое время все же придется побыть вместе, но что разлука будет, и уже надолго. Но скажу прямо, представить себе, как я смогу это пережить, я не в состоянии. Не могу даже помыслить, что моей единственной и любимой, которая для меня одна, не будет. Не будет единственного человека в моей жизни, любовь моя к которому не знает предела и больше которого в сердце лишь Вл[адыка]. Без Вас я жить не могу и не хочу. И если бы зависело от меня уйти вместе с Вами, то с радостью согласился бы, не задумываясь ни секунды. Но увы: знаю, что именно потому, что жизнь свою ценю меньше возможности не расставаться с Вами и быть вместе где бы ни было, то именно поэтому-то и придется расстаться и остаться одному без Вас, чтобы закончить Ваше дело. Мама, родная моя, мое далекое солнышко, радость моя, если бы Вы только знали, как было больно осознавать Ваши слова. Думать об этом спокойно не могу. Пока Вы с нами (хоть и далеко), но Вы так близки сердцем, что даль забывается. А тогда? Ближе Вас из людей никого не имел, и любимее. Да и что скрывать: одиннадцать лет болела Нинка. Да и раньше жизнь никогда не баловала, сурово подчас и жестоко, не баловала ни в чем, особенно же тяжелой, вредной для легких и здоровья работой, да и что говорить. Всего не

расскажешь. Но ждал бодро, терпеливо, накапливая знания, и не жаловался, ибо был устремлен. Но вот лучшее, что есть в малости моей, вложил в свое чувство к Вам, с надеждой увидеть, побыть вместе, и сердце и глаз насытить близостью дорогого человека. На встречу согласен, но мысль о новой и уже долгой разлуке в сознании не укладывается. Конечно, выдержу, все выдержу, и силы найду, и доверие оправдаю, и сделаю все, что скажете. Знаю, что стану сильнее вдесятеро. Знаю, и все же жизни без любимой и единственной себе представить не могу. Трудно и больно, очень больно... Мама, родная моя, ведь одно сознание, что где-то далеко, далеко живет человек, который любит и поймет все, и не осудит, и что выше его из людей уже никого нет для меня, уже это достаточно. У меня тысячи вопросов, но ими не тревожу. С меня довольно даже того, что кто-то единственный может на все на них ответить. Я не задаю их, жду. А как же тогда, когда не будет сознания этой возможности. Другие? Для меня наш Любимый, Матерь и В[еликий] Вл[адыка] [-] вот все мое. У меня нет других и не будут. Я из однолюбов Иер[архии]. Знаю, что есть и ответит В[еликий] Вл[адыка], и отвечает, и сейчас говорит, и слова Его, мною запечатленные, уже более чем в два раза превысили «Сердце». А ведь это не мало! И все же утверждение получил от Матери, какая без нее была бы уверенность. Если бы сыну Вашему предложили оставить все и пешком идти к Вам, пошел бы. Мы даже с Нинкой мечтали, как бы хорошо повидать теремки. Хоть за версту жить бы согласился, хоть раз в месяц видеть издали. И нас не надо занимать и тратить силы. Сын бы не отяготил, ибо никогда не был в положении берущего. Годом ожидания огорчен чрезмерно, ибо на год меньше будет и встреча. А потому сдерживать свои мысли и чувства больше не буду, не боясь упрека в несдержанности. Хочу написать жизнеописание Матери, очень хочу и давно, уже давно задумал. <...> И прошу, очень прошу откладывать для меня отдельно все, что для этого может понадобиться. Этой возможности прошу меня не лишать. И еще хочу перевести письма Мах[атм] к Синн[ету] полностью. И прошу это оставить за мной.

Меня очень порадовало, что Вы сказали о том, что принимаете мою любовь. Вы лучше меня знаете, откуда и когда она зародилась.

Всего, что мне было сказано о Матери, написать не могу, получится слишком много. Сказано было так: «Она явила собою и жизнью своею прообраз того преображения, которое явится уделом человечества на протяжении будущих тысячелетий, и только в разрезе тысячелетий понимается и может быть понят Ее подвиг земной. Тысячелетия великих трудов и Служения и близости

к Иер[архии] потребовались в прошлом, чтобы стать этим фокусом притяжения тончайших энергий огня». Но это лишь небольшая часть. Помните, говорил Вам об одном из писем Моей единственной. Вот оно, но не полностью: «В прошлом вопл[ощении] я была твоей Матерью и останусь Ею навсегда. Ты мой мальчик любимый, с тобой не расстанусь и жду нашей встречи. Ты мне очень нужен, и мы много совершим с тобой, именно с тобой. Держись всею силою, уже последние часы испытаний. Я с тобой. Все хорошо будет. Не тревожься ни о чем. Вл[адыки]но наследие получаешь. Достоин будь своего счастья. Слушай голос сердца. Идут, идут дни величия. Доспех надо приличествующий, и приготовь сердце. Меня слушай и сердце преклони воле Вл[адыки]. Соответствуй осознанию часа. Люби позвавших тебя и верь беспредельно. Отдай все – своего ничего нет. Устремись всей сущностью твоей. Люби Вл[адыку] твоего превыше всего земного и больше себя, а себя забудь совсем. Ты часть моего сердца, и сущность моя питала тебя, и близок мне сокровенную сущностью сердца. Дальность близостью стала, и утвердил себя Мой мальчик, далекий и близкий, храню тебя в сердце моем. Любовь твою знаю». Некоторые фразы писал Вам уже раньше, а теперь больше написал, но еще не все. А вот уже в этом году в конце августа было так: «Мать тоже пребывает в состоянии напряженности. И если тебе не легко, то каково же ей? Помогите! Луч твоей любви – пища ее сердцу. Любовью не избалована. Интеллектуалисты, которых много, чудо любви не несут. Потому люби мать сокровеннейшей силой чувства огненного. И не слова вложены в твоих письмах, но нити любви серебряные, сердце Ее питающие». И еще, это тоже было в прошлом году: «Радость Моя, Моя первозванная тебя любит. Ты с нею крепко связан, и крепнет чувство ежечасно. Живыми нитями соединены души ваши, нитями света. Поверх прошлого, настоящего и будущего утверждена эта связь, и Рука Моя над нею. Ближайшим назвал тебя. Так оно и есть. И она знает это, и любит тебя так, как еще никогда и никто тебя не любил. Пойми же, что значит быть у нее на сердце, и заслужи счастье предстать перед Ней. Приготовь себя ко дню твоей встречи и береги Ее. Твоей заботе поручаю Ее. Охрани Ее от людей и прими на себя заботы и тяготы Ее и облегчи Ее жизнь в сфере, доступной тебе. Приготовь себя к этой заботе и очисти себя для того, чтобы иметь право быть около. Во имя будущего делается каждое твое усилие для Нее. А Я приму дар твой...» и т. д. А недавно до письма Вашего еще было: «Письмо пиши. Ей нужны твои письма. Был от нее вдалеке, дабы оценил и глубину и высоту близости, и оценив, оберечь. Близость

усиль. Дальность нам с тобой не препятствие. Утверждаю тебя в Ее сердце и дух твой в мир нашей близости ввожу». И тут мне было сказано, но детально и подробно все то, что Вы пишете в конце своего письма о преданнейшем сыне и жизненной задаче после Вас. «Ее ближайший, незаменимый и сын Ее, наследник и продолжатель, хранитель чистоты Ее наследия, с Ней слитый, любимец близкий. В тебе найдет земную опору независимой мощи своей, то, чего сейчас у Ней нет. В тебе найдет утверждение величия и значимости своей как Матери А[гни] Й[оги]. В тебе будут осуществлены, выкристаллизованы и утверждены для Ее лицезрения формы понимания уявления Носительницы Сокр[овенного] огня. Ты для Нее ставший символом, утверждающим Ее не такой, какая она в глазах своих, но в понимании Моем в высшем пл[анетном] значении. Примешь Ее проще простого, как человека, и простоту человеческих отношений, теплых и близких, сохранишь. И на основе этой простоты и близости утвердишь величие несказуемого, заложенного Мною на века. Сумей эту пару противоположностей связать воедино, не разрушая ни одной. И великость Ее с малостью земных условий и явлениями жизни совместить. Требуется большая высота сознания и близость ко Мне. Потому тебе и поручаю Ее. Она ждет этой встречи так же, как и ты. Поддержка и насыщение обоюдные». Вот, моя любимейшая и единственная, что значит Она в сердце моем. Что еще добавить? Бессильны слова. Мама, любимая моя, хочу, чтобы всегда называли меня только на ты. Разве теперь можно иначе? Всегда чую сердцем то, что пишете, заранее, и Ваши слова несут подтверждение моему чувствознанию. Но как хотелось бы побеседовать не в письмах, но наяву, ведь еще столько хотелось бы сказать. В сыновстве моем Он меня утверждает и тоже называет сыном, и на заре поток мыслей новых, неожиданных, глубоких ярким, четким потоком вливается в сердце. Пишу Вам в канун Дня Преподобного [Сергия]. Вечер тихий, торжественный и радостный. Голуби мира реют над землею. Мир побеждает! Как идут дела? Хорошо, стало много легче двигаться и быстрее, и сейчас уже кончаю [переводить] письмо Матери от восьмого июня тридцать шестого года. Спасибо большое! За здоровье Нины совсем спокоен. Большой привет Юрию Николаевичу. Привет и любовь от Нины. Итак, родная и любимая Мама, шлю Вам лучшее, что есть на сердце. Всегда и навсегда Ваш, Ваш сын *Борис*.

Мама, родная, кем я был? Мне даны намеки, но я сомнением не страдаю и верить не решаюсь.

*Подготовка текста и комментарии
О.А. Лавреновой*

Святослав Рерих. Портрет Девики Рани. 1951

Это была очень красивая, небольшого роста, с большими темными внимательными глазами, удивительно яркая женщина. Поведение ее и поступки тоже всегда были красивыми и благородными. Ничего театрального или искусственного, никогда никакой суеты.

Вдумчиво деловая и одновременно очень женственная, она обладала медленной, спокойной походкой, была доброжелательна и приветлива со всеми и умела красиво шутить. Благодаря этому в ее присутствии всегда создавалась веселая, непринужденная атмосфера.

Так было и в тот вечер в мае 1960 года в гостях у Юрия Николаевича Рериха, когда Девика Рани вместе с мужем Святославом Николаевичем Рерихом вошла в комнату, и увидев меня смущающуюся, села рядом, стала расспраши-

К.А. Молчанова

Воспоминания о Девике Рани Рерих

вать, откуда я, что и как, а потом подозвала Святослава Николаевича и предложила ему вместе взглянуть на мою ладонь. Она уговаривала меня не смущаться и чувствовать себя как дома, среди своих.

Так, с первого же мгновения нашего знакомства, Девика Рани стала моим другом. Она приняла искреннее участие во мне и быстро разобралась в моем душевном состоянии.

Перед расставанием в июле 1960 года я попросила Девику Рани записать для меня те мысли, которые могли бы помочь мне в жизни тогда и в будущем. Вот некоторые из них:

«Перед восходом всегда темно, но восход всегда настает».

«Равновесие – это напряжение, и сила, и внутренний покой».

«Мои глаза – глаза Бога. Я вижу глазами духа. Я вижу ясный путь. На моем пути нет никаких преград. Я вижу лучший и счастливый план для меня в настоящем и навсегда».

«То, что по воле Бога не принадлежит мне, я не хочу для себя. Что мое, будет дано мне единственно правильным, только моим путем блага. То, что принадлежит мне, всегда придет ко мне безупречным путем с благословением Господним».

«Я шлю свои мысли о любви и гармонии каждому через свое сердце».

«Я никого и ничего не боюсь, потому что нахожусь под благословением Господним, а не под людским законом. Я в единстве с Богом».

«Я всегда должна подходить с верой к тому, что может вызвать во мне страх. Потому что в действительности я бесстрашна».

Наша сердечная дружба длилась почти до самого конца жизни Девики Рани. Мы встречались

в Москве и Ленинграде во время каждого пребывания С.Н. Рериха и Девике Рани в Советском Союзе, а в остальное время переписывались. Девика Рани писала мне всегда матерински теплые письма. Их у меня три папки. Ее душевные наставления помогали и до сих пор помогают мне достойно идти по жизни.

Девика Рани обожала своего мужа С.Н. Рериха и считала своей миссией помогать ему во всем, что ей по силам, и не только в малых, бытовых делах. Приехав в Москву впервые после детства, С.Н. Рерих очутился в совершенно ином для него мире. Особенно это сказалось после смерти брата Ю.Н. Рериха 21 мая 1960 года.

С.Н. Рерих и Девика Рани оказались в одиночестве перед неведомым им миром советской действительности.

Девика Рани удивлялась и сетовала на то, что организаторы выставки и искусствоведы на родине ее великого мужа были не в состоянии оценить все величие его духа и мастерство великого художника.

Узнав, что я могу стенографировать, она попросила меня непременно записывать для истории все, что говорит С.Н. Рерих. Поэтому она стала брать меня с собой повсюду, где он выступал. Так благодаря Девике Рани появились на свет мои записи бесед и выступлений Святослава Николаевича Рериха. Ведь тогда в России не было еще диктофонов. И эти записи действительно стали историческим документом.

Позднее, видя мое непреходящее желание не только общаться, но и составить летопись жизни С.Н. Рериха, Девика Рани настояла на том, чтобы он уделил мне хотя бы немного внимания, проверил и уточнил даты и факты своей жизни и творчества. Она чувствовала, что сам он никогда ничего о себе не напишет и никому не поручит.

Девика Рани человек необычный. Это великая дочь Индии. В ее душе и глазах отражалась вся глубина вековых накоплений духовной культуры этой древней страны. Девика Рани происходила из высшей, браминской касты, но в ней не было кастовых предрассудков, ни малейшего высо-

комерия по отношению к кому бы то ни было. Однажды она рассказала мне, как во время киносъемок дважды покушались на ее жизнь.

Первый случай. Она медленно ехала в открытой карете сквозь толпу. Подскочил мужчина и хотел плеснуть ей в лицо соляной кислотой, но споткнулся, склянка выпала из рук, и его задержали.

Другой случай. Когда на съемке артист по сценарию должен броситься с какой-то высоты, внизу его ловят в натянутую сеть. Девика Рани бросилась со скалы, а рабочих внизу не оказалось. Она разбилась, но выжила.

Девика Рани и Святослав Рерих. ▶
Начало 1960-х гг.

Оказывается, став в молодости артисткой, Девика Рани сознательно бросила вызов своему словию. Это был ее гражданский акт во имя эмансипации индийской женщины.

В январе 1975 года в Ленинграде на завершающем этапе подготовки выставки С.Н. Рериха в Эрмитаже появились уборщицы, и мы услышали грубые окрики администратора. Девика Рани подошла к уборщицам, встала между ними, а меня попросила сфотографировать. Так она своим примером дала другим понятие о необходимости уважать человека, независимо от его общественного положения.

Простая, ласковая и доброжелательная ко всем, она умела незаметно, без всякого нажима защитить не только других, но и С.Н. Рериха.

Накануне открытия персональной выставки С.Н. Рериха. Эрмитаж, 15 января 1975 г.

Еще в 1960 году в Москве по возвращении из Ленинграда в гостиницу «Украина» оказалось, что их номер заселен, а вещи выставлены. Нетребовательный Святослав Николаевич, правительственный гость, соглашался на любой номер. Тогда Девика Рани взяла инициативу в свои руки и настояла на том, чтобы им был предоставлен тот самый люкс или равноценный номер. Она всего лишь села около администратора и всем своим необычным восточным видом напомнила о своем иностранном подданстве и человеческом достоинстве.

Девика Рани неизменно сопровождала своего мужа С.Н. Рериха в его поездках в Россию, и они всюду бывали вместе. Во время выступления С.Н. Рериха в Географическом обществе

в Ленинграде 21 января 1975 года его попросили хотя бы кратко рассказать и о своей супруге. Это было в присутствии самой Девики Рани. Он ответил:

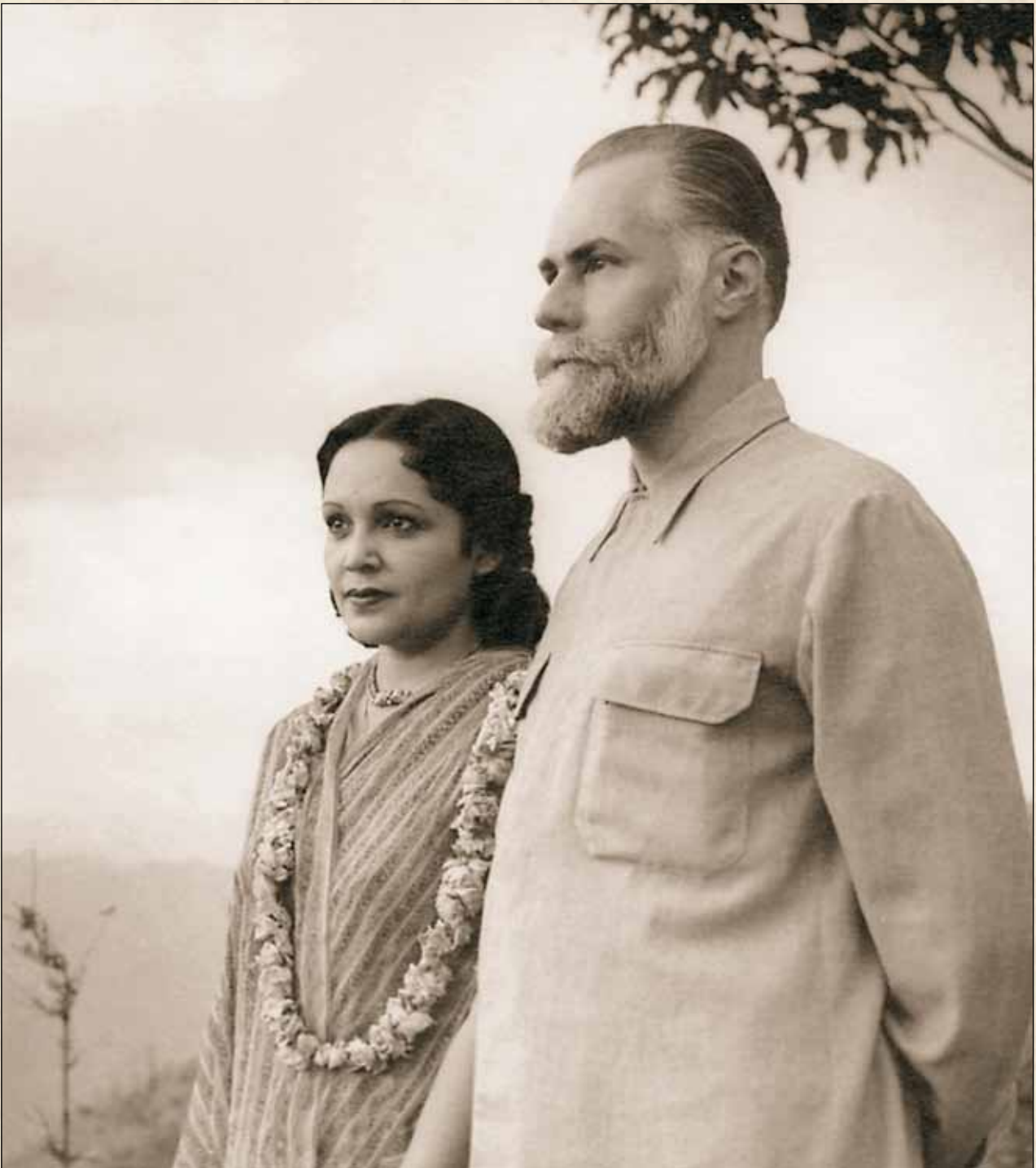
«Вот вы видите перед собой живой кусочек Индии, который я смог вам привезти. Она родом из Восточной Бенгалии и семьи Тагоров. Так что у нее богатая культурная основа. Она была самой знаменитой киноактрисой в Индии и многие годы возглавляла первую студию Индии, так называемую «Бомбей Токиз», которая была, может быть, самой лучшей. Некоторые из ее фильмов стали классикой. И когда я недавно увидел один из этих фильмов, то удивился, как высоко они стояли технически.

Родители считали, что в Англии она получит лучшее образование. Интересно, что когда в Англии мы бывали у Тагора, с ней там не встретились, и повстречались значительно позже.

Она очень обогатила мою жизнь и обогащает. Она – тот ближайший контакт, который я имею с Индией, и, может быть, одна из главных причин, почему я так люблю Индию».

Девика Рани была выдающимся деятелем культуры Индии и всеобщей любимицей зрителей. Поэтому мне очень хотелось что-то написать, рассказать о ней в печати. Девика Рани однако запретила это делать. Вот ее довод: «Мне не годится давать повод писать о себе.

Девика Рани и Святослав Рерих. 1948

Всякая гласность может быть связана только с личностью Святослава Николаевича».

Девика Рани была беззаветно преданной женой и другом Святослава Николаевича и однажды написала так: «У меня только одно желание, дорогой мой друг. Когда я выполню свою задачу помогать ему в меру своих слабых сил, чтобы Бог взял меня немного раньше, чтобы я не оказалась одна без Святослава. Такая мысль, возможно, эгоистична, потому что он в жизни без меня очень теряется, конечно, не в больших делах, но в малых, бытовых».

Однако мы знаем, что закончилась ее жизнь все-таки без Святослава Николаевича, что она была трагично беспомощна в своей глубокой старости и оказалась жертвой в руках непорядочного человека, секретаря, предавшей этих великих людей в своих корыстных целях.

Девика Рани считала, что для укрепления мира на Земле исключительно важным звеном должна быть дружба между народами Индии и России. Союз Девики Рани и Святослава Рериха является для нас ярким символом такой дружбы.

Из писем Девики Рани к Кире Молчановой

20 июня 1964 г.

Моя мама жила в городе (в Бангалоре. – К.М.), и я каждый день ездила ее навещать и там же у нее работала – делала все, что мне самой надо. Она жила в арендованном доме. Теперь, когда она умерла, договора у нас нет, и мы должны подыскать другой дом в городе, где могли бы работать...

Уход нашего любимого Премьер-Министра (Дж. Неру. – К.М.) ужасный шок. Это нас сильно затронуло, и так грустно. Миллионы здесь чувствуют его смерть как личную потерю. Он всегда будет с нами, и его Дух всегда будет помогать нашей стране. Цвет его красной розы никогда не поблекнет в наших сердцах.

21 сентября 1964 г.

Естественно, наша жизнь очень насыщена. Мы встаем утром рано и начинаем работать примерно в 08.30. Когда же нам надо ехать в город в мой офис, где делается вся наша работа, где надо печатать или где назначены встречи, мы уезжаем из дома в это же время. И так как живем за городом, доезжаем на своей машине примерно к 09.30.

Затем весь день работаем в области культуры: выполняем заказы на статьи мужа, посылаем извещения в индийские журналы и за границу, посещаем собрания и художественные школы, где ждут совета от мужа, и одновременно происходит

Церемония открытия портрета Дж. Неру кисти С.Н. Рериха в центральном зале Парламента Индии. Слева направо: Индира Ганди, Девика Рани Рерих, Виджайя Пандит, Святослав Николаевич Рерих. Дели, 5 мая 1966 г.

еще много всего другого, так что не замечаешь, как проходит день.

Если нам нужно написать нечто важное и послать, то секретари наши (их две. – К.М.) печатают это. И если книги и пр. надо готовить, то они же печатают. Так что весь день уходит на работу, которая заключается в столь многом. Вот как раз сейчас мы очень заняты Мемориалом Неру, для которого создана большая комиссия. Это в Дели. И нам нужно ехать туда. Вместе с несколькими другими ответственными людьми мужу поручено дать окончательное заключение по мемориалу.

Все друзья и те люди, которые заинтересованы в нашей работе и которые хотят с нами поговорить, обсудить что-то с мужем и посоветоваться с ним, приходят сюда в наш офис. Это маленький уютный и очень удобный для нас дом, потому что он в городе.

Если же мы остаемся дома, работа начинается в то же самое время. Святослав Николаевич идет в свою студию и рисует. У него сейчас начато так много картин! Некоторые уже закончены, но ему предстоит еще очень много сделать.

Я работаю по дому, но сначала завершаю всю почту. Сейчас, в этот момент, я печатаю, сидя дома. И здесь так прекрасно: около студии все в цвету и птицы поют. Это очень красивое место. Затем после полудня я читаю все присланное нам – книги, статьи и пр., чтобы подготовить для Святослава Николаевича. Потом, под вечер мы выходим на длительную прогулку прямо в эти великолепные джунгли, а по вечерам читаем все самое важное вместе. Обедаем в 8 вечера, читаем примерно до 10, если у нас нет гостей, и около 11 ложимся спать. Вот набросок нашего дня.

Но постоянно вторгаются изменения, потому что часто приходится путешествовать.

Писать я должна всем по всему миру, во многие художественные учреждения, людям и друзьям. Святослав Николаевич пишет редко, потому что у него на это нет времени. Мне же приходится очень много печатать. Так что нет возможности писать от руки.

10 октября 1964 г.

...В СССР 90-летие отца (Н. Рериха. – К.М.) и 60-летие сына (С. Рериха. – К.М.) были также отмечены: два ледника названы их именами в Киргизском Алатау, в бассейне реки Аламедин¹. И Президент Индии прислал нам свои поздравления по этому случаю.

Когда же отмечалось 60-летие Юрия Николаевича, столько было послано в Институт востоковедения АН СССР приветствий от именитых людей, но никто из них не получил в ответ благодарность из Института.

26 октября 1964 г.

В честь Святослава Николаевича в день его шестидесятилетия 23 октября мы провели традиционную пуджу с цветами в его студии. И когда читались древние стихи, специально предназначенные для 60-летия человека, в студии чувствовалось присутствие Мастера. Это был незабываемый день.

И приписка С.Н. Рериха: «Дорогая Кира, Ваше приветствие² меня очень обрадовало. Спасибо Вам большое! Все будем трудиться на Общее Благо, для великого светлого Будущего – в этом радость и счастье!

Всего, всего Светлого – Святослав Рерих».

6 декабря 1964 г.

Я должна учить и хорошо знать хинди. Это не мой язык. Мемориальная галерея в Кулу (Наггар) очень хороша. Она размещена в четырех комнатах главного здания, где Н.К. (Николай Константинович Рерих. – К. М.) рисовал и откуда видны Гималаи.

90-летие профессора Н. Рериха там праздновали около памятника на месте его кремации. Много-много людей собралось, также и официальные лица, чтобы выразить ему уважение. Был прочитан текст радиопередачи Святослава Николаевича к 90-летию отца. Отслужили красивую пуджу. Было замечательно. Все молились, и пришло много деревенских жителей.

29 декабря 1964 г.

К нам недавно заезжали, чтобы посмотреть картины, приглашенные нашим правительством делегации из разных стран. Среди них были и две русские делегации – 45 студентов и 29 ученых – все из разных концов России, СССР. Приятно было наблюдать, как они радовались, любясь картинами, и сколько уважения и любви выражали Святославу Николаевичу.

Мы были счастливы принять их во время Рождества и радовались этой встрече. Она была очень сердечной, теплой. Все получили что-то с нашей Елки.

¹ Известия Всесоюзного географического общества. Т. 96. 1964.

² Я посылала С.Н. Рериху поздравление со своим рисунком Вана Томаса (флюгер – дозорный воин на башне ратуши г. Таллинна).

10 и 12 февраля 1965 г.

С.Н. должен был отобрать 200 картин из 2000 на Всеиндийскую художественную выставку в Национальной галерее в Дели. Сейчас постоянные встречи, работа в Академии.

11 марта 1968 г.

Нынче было много знатных посетителей из СССР. Конечно, у нас постоянно бывают иностранные посетители, но самая большая радость от возможности приветствовать друзей из любимой России...

Кира, нельзя впадать в депрессию, надо работать, вникая в то, что делаешь, всей душой, постоянно помнить о Боге, о мире, наблюдать природу и черпать из нее силу. Это великая молитва – помнить Его Имя непрерывно во время работы, во время прогулки, смотреть Его глазами и все делать с радостью. Все от Него, ты только инструмент для исполнения Воли Высшей. Путь не в церкви или монастыре, путь в мире, а это самое трудное, потому что человек не защищен в мире. И каждый должен найти свой путь, а он у всех разный. Для каждого своя задача в жизни, и мы должны ее выполнять.

Кира, люби все, все – от Него, улыбнись, читая эти строки, и увидишь Свет. Я не могу писать часто, но помни: мы оба всегда рядом с тобой, мы так часто думаем и говорим о тебе. Всегда держи цветы около себя, даже если это один цветок, и увидишь, что вокруг есть Красота, чистая и радующая. Ты должна писать мне, даже если это будет всего лишь маленькое письмо. Это будет делать тебя счастливее. Это связь.

10 июня 1968 г.

Дели – замечательный город, так много есть что посмотреть, так много людей встречаешь и так много всевозможной работы приходится делать там по искусству, помимо встреч со всякими официальными лицами, не только индийскими, но и иностранными, которые стали нашими друзьями. В Дели нам всегда также многое надо успеть сделать ради той работы, которая у нас на юге. Все это отнимает очень много времени, оно всегда на пределе, хотя и испытываем удовольствие от всего этого, но зато писать некогда.

От человека всегда зависит, от него самого – притягивать и испытывать добро и счастье жизни. Возможно же это только когда в сердце прочный покой. Запомни, ничто негативное или недоброе, ни один плохой человек не подойдет, если ты внутри спокойна. Говори себе, что ты несеешь Свет внутри и содержишь самое ценное –

любовь и красоту внутри себя, и увидишь, как это тебя защищает и укрепляет.

28 октября 1968 г.

Мы так заняты работой весь день, что единственное время для себя наступает только в 8 часов вечера, и тогда после ужина оба можем пару часов отдохнуть и почитать. Это единственная возможность, а по ночам мы не пишем.

Муж не может садиться и писать от руки после того, как целый день простоял на ногах и писал картины. Когда же он в городе, в офисе, он не может заниматься ничем другим, как только тем, что надо делать в городе.

Наши два секретаря все время заняты, потому что мы оба диктуем письма и отвечаем на письма, а муж часто диктует также свои речи и пр. необходимое для заседаний, которые должен посещать. Так что просить его о чем-либо другом совершенно невозможно. Но, думаю, все-таки он должен был бы сам написать очерк своей жизни, потому что даже я многого не знаю из жизни его семьи, а это важно для истории.

Только что отпраздновали день рождения мужа и Дивали – праздник огней, который бывает в этот же день. Все деревенские дети пришли за сладостями и поиграть с фейерверками. Друзья тоже пришли и провели с нами весь день и вечер. Подобные моменты в жизни очень дороги и прекрасны здесь, в Индии. Они свойственны Индии. Эти праздники дошли до нас из глубин древности и несут особую атмосферу света и счастья. <...>

Я вижу, что муж больше, чем я, наслаждается Индией – от всего того, что она содержит. И он, будучи ученым и художником, археологом и просто замечательным человеком, очень хорошо понимает глубину и значение всего, что видит. Для него богатство природы является непреходящей радостью.

25 ноября 1968 г.

Думаю, вы совершенно правы, что муж должен непременно написать хотя бы очерк своей жизни, потому что даже я не знаю многого о нем и о его семье. А он умудряется не говорить об этих вещах, и всякий раз, когда я сажусь записывать, он откладывает это и говорит: «Когда будет время, я сам напишу!»

Так проходит год за годом. И до сих пор у нас нет нужных сведений. Я совершенно уверена, что если бы вы были здесь или мы снова встретились в СССР, вы смогли бы что-нибудь от него узнать.

У меня еще и другая проблема с мужем. Она заключается в том, что он так прекрасно уме-

ет писать о многом, и я собрала часть его сочинений, посланий, речей, выступлений по радио и т. п. Единственное, что мне надо, чтобы он все-таки прочитал, сам проверил и внес необходимые исправления. Однако это не сделано до сих пор. Каждый год я беру все это с собой в Кулу, и каждый раз все остается непроверенным.

Все, что он делает в Кулу, конечно, особенно ценно. Там, в тишине кабинета Мадам Рерих, сидя за ее рабочим столом и глядя на возвышающуюся перед ним гряду снежных гор, он продумывает свои картины, ясно представляет и вырабатывает разные решения.

Хорошо и то, что мы закончили его исследование «Искусство долины Кулу»³, и книга, надеюсь, выйдет в декабре. Это научный труд, но написан он настолько прекрасно, что каждому будет понятен. Рассказ об искусстве этой фантастической долины разворачивается в такой прекрасной манере, что захватывает читающего, и невозможно оторваться вплоть до самой последней строки этой книги. Все фото сделаны им самим во время нашего посещения разных святынь, памятников и мест большого исторического и духовного значения. Искусство долины Кулу фактически начинается с времен Махабхараты. Так что вы можете себе представить, сколько надо было вместить, чтобы написать на эту значительную тему.

И когда вы тоже прочитаете книгу, будете изумлены тем, как такой большой объем содержания вложен всего лишь в несколько глав и с такой легкостью и изяществом...

Он самый удивительный человек из всех, которых я встречала в своей жизни. Говоря это, я имею в виду то, что встречалась с такими людьми, как Тагор, Неру, Ганди, Эпштейн и Эйнштейн, и великие писатели и поэты, и артисты, включая мадам Анну Павлову.

Среди тех великих людей, которых я встречала в детстве и юности и даже будучи взрослой и которых продолжаю встречать, Святослав (Николаевич) выделяется как сияющая Звезда. Это потому, что, я думаю, в его гениальной личности отражается и ярко светит многогранная индивидуальность. Кроме того, самое прекрасное в Святославе – это абсолютная простота. Он совершенно прост, как малый ребенок, и его сердце полно любви не только ко всем живым существам, но и ко всей Вселенной. Он кажется настроенным на Беспредельность, и тем не менее он умеет приложить руки к любой самой незначительной работе, если ее надо выполнить. Он каждого встречает обходительно, с любовью и интересом. И я не перестаю удивляться его бесконечному терпению,

которое наблюдаю в течение всей нашей совместной жизни, и все же продолжаю удивляться тому, как чудесно он умеет жить. Он никогда не говорит о морали и не учит высшим ценностям жизни, но находящийся рядом учится, глядя на него.

Поэтому в день его рождения 23 октября и в наш день свадьбы, который бывает 23 августа, и в другие праздники, как, например, Рождество, Пасха, и в разные индийские праздники я всегда от всей души благодарю Бога за то, что мне повезло в жизни встретить такого великого человека. Я всегда молюсь в эти и другие дни о том, чтобы у него была долгая и счастливая жизнь и чтобы он мог продолжать одаривать мир красотой.

У меня только одно желание, дорогой мой друг. Когда я выполню свою задачу помочь ему в меру своих слабых сил, чтобы Бог взял меня немного раньше, чтобы я не оказалась одна без Святослава. Такая мысль, возможно, эгоистична, потому что он в жизни без меня очень теряется, конечно, не в больших делах, но в малых, бытовых.

24 марта 1975 г.

Мы передали в дар Эрмитажу несколько картин – те, которые они захотели и которые выбрал Директор (Б.Б. Пиотровский. – К.М.) вместе с мисс Грек. Скажите ей, чтобы она постаралась выставить как можно больше. Во всяком случае, мы знаем, что эти картины будут экспонироваться в Эрмитаже.

1 сентября 1976 г.

Как замечательно было получить Ваше письмо от 11 августа вместе с приложенными статьями о Рерихах из Советской Энциклопедии, том 22. Согласна, что это интересно. Однако муж говорит, что там некоторые неточности, данные отрывочные, то есть неполноценные. Во всяком случае, хорошо иметь это как справку. Спасибо, что послали.

Вам будет приятно узнать, что наши картины вернулись. Они были посланы специальным самолетом из СССР и были очень хорошо упакованы. Открыв некоторые ящики, мы убедились в превосходном состоянии картин.

14 февраля 1977 г.

В ноябре Святослав Николаевич получил советскую премию имени Неру. Состоялось замечательное торжество, всем было приятно...

³ Roerich S. Art in the Kullu Valley. Bombay, [1968].

Нас пригласили в Сибирь, но я очень болела. И доктор предупредил о невозможности путешествия. Нельзя ехать в такой холодный климат. Это было бы пагубно. Тем не менее мероприятие прошло удачно, и мы получили оттуда очень хорошие фотографии.

15 марта 1978 г.

Скоро поедем в Болгарию. 10-го прибыл специальный самолет из Болгарии, чтобы забрать 300 картин, и улетел 11-го. И теперь картины уже в Софии. (132 картины Н. Рериха и 168 С. Рериха.) Всего же на выставке в Софии будет примерно 400 картин – 24 из Нью-Йорка, 30 из Третьяковской галереи и 30 из Русского музея.

6 декабря 1979 г.

Мы спокойно отметили здесь 75-летие Святослава Николаевича. Но в Дели в честь него был замечательный прием у Посла (СССР. – К.М.), на котором присутствовали определенные ученые с приветственными посланиями из России. Мероприятие было великолепно организовано и доставило всем большую радость.

8 февраля 1980 г.

Выставки в Болгарии прошли великолепно. Тысячи и тысячи людей посетили их. Болгарское Правительство осыпало Святослава Николаевича почестями...

Здесь, в Индии, Святослав продолжает работать. Он много рисует и пишет. Сейчас занят также широким проектом создания местного Комплекса Искусств, в котором будут выставочные залы; зал, посвященный обоим Рерихам – Николаю и Святославу. У нас будут проводиться также и зарубежные выставки. При нем есть хорошая школа искусств, в которой есть секции скульптуры, современного и древнего искусства, также местного искусства, включая традиционную живопись, и скульптуру, и старинные куклы, которые разрисованы на пергаменте и очень красивые. Собирается древнее искусство Юга, особенно Карнатака, и будет размещаться в этом комплексе.

17 декабря 1980 г.

Святослав Николаевич приобрел землю под центр искусств в Бангалоре и является патроном

этого комплекса. И когда все будет завершено, центр станет привлекать большое внимание не только в Индии, но и из-за рубежа.

19 августа 1981 г.

К этому письму прилагаю нашу телеграмму (22. 07. 1981) Президенту Болгарии, отцу мадам Живковой⁴, как только узнали о ее уходе. Смерть ее была для нас шоком. И это не только потому, что у нас были совместные планы на будущее развитие сотрудничества между нашими двумя странами. Но и потому, что она была также очень близким нам другом. Она действительно любила нас и всегда оказывала нам радушное гостеприимство от своего правительства. Она была так предана нам! Меня она любила особенно и называла своей сестрой. Говорила, что если я что-то захочу и попрошу ее об этом, то она непременно исполнит все, что в ее силах. Она была такой милой и доброй, когда мы приехали к ней домой попрощаться. Вот и сейчас я пишу и четко вижу ее улыбающееся лицо в прощальном жесте.

1 июня 1982 г.

Мы получили страшное известие о кончине Павла Федоровича⁵. Это полностью вывело нас из душевного равновесия и совершенно опустошило. Трудно представить себе, что его больше нет и что мы вновь не увидим его дорогое лицо.

21 августа 1985 г.

Да, восьмидесятилетие С.Н. отмечено достойно как в России, так и в Софии. Он получил много наград, включая редкий Орден Дружбы Народов от главы СССР, а также орден «Мадарский Рыцарь» от Президента Болгарии.

9 июля 1986 г.

В настоящее время С.Н. пишет портрет Индиры Ганди, о чем попросил его Раджив. Это большой портрет и будет повешен в доме Парламента напротив портрета г-на Неру⁶, портрета очень красивого и являющегося великим произведением искусства. Наряду со всеми своими другими делами, работа над портретом полностью захватила его. С.Н. весь отдается этой работе, и не только потому, что он Рерих, но и потому, что это портрет великого государственного деятеля Индии и всего мира.

⁴ Живкова Людмила – искусствовед, председатель Комитета культуры БНР.

⁵ Беликов Павел Федорович – сотрудник и друг Святослава Николаевича в Эстонии.

⁶ Портрет Джавахарлала Неру в полный рост также написан С.Н. Рерихом.

С.Н. Рерих в гостинице «Советская» во время встречи с посетителями (К.А. Молчанова стенографирует). 9 мая 1987 г.

3 июля 1987 г.

В Швейцарии мы встретились с президентом Нью-Йоркского музея К. Кэмпбел-Стиббе. Ей уже 86 лет, и мы сочли своим долгом навестить ее, так как их дружба со Святославом Николаевичем длится уже более 60 лет. Оттуда поехали в Софию.

2 сентября 1987 г.

Спасибо за то, что передали некоторые материалы обо мне своему другу. Если находите это нужным, уверена, что написано будет хорошо. Считаю, что когда Святослав Николаевич совершает важный выезд (как это было последний раз, когда мы были в Москве), мне не годится давать повод писать о себе. Если нужно, это можно сделать в другое время. Кроме того, это был официальный визит по приглашению Академии художеств СССР, и потому всякая гласность может быть связана только с личностью Святослава Николаевича.

Читали ли в «Литературной газете» большую и хорошо принятую статью мадам Мамаладзе на полную страницу с прекрасным фотоснимком С.Н.? Постарайтесь достать.

Очень приятно сознавать, что имя Святослава Николаевича становится все более популярным в СССР. Так и должно быть, также и то, что по телевидению часто дают разные беседы С.Н. Помимо всего, он, конечно, великий художник и великий сын России.

11 января 1988 г.

Здесь проходил фестиваль СССР и сейчас завершился. В нем приняли участие около 800 артистов, и все в Бангалоре были поражены удивительным балетом, поп-музыкой, оркестром, народными танцами и пр. Приехало много наших друзей из Посольства в Дели, также из консульства в Мадрасе, так что здесь образовалась небольшая Россия. В имении нас посетили примерно 57 участников балетной труппы, и они были счастливы также тем, что увидели картины С.Н.

14 марта 1988 г.

19 ноября 1987 г. Президент Индии снял покрывало с прекрасного портрета миссис Ганди в день ее рождения. И теперь она навечно в здании Парламента. Портрет очень понравился Радживу и всем присутствующим, и он поблагодарил Святослава Николаевича за его дар нации.

16 октября Святослав Николаевич был избран членом Национальной Академии изящных искусств. Теперь он академик трех академий изящных искусств – Болгарии, СССР и Индии.

28 марта 1988 г.

Нашему баньяновому дереву 600 лет, и в нем маленький храм.